

**ФРАНЦУЗСКАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ
В 90-е гг. XX в.: ПОИСК СТРАТЕГИИ
В НОВЫХ УСЛОВИЯХ**

В 90-е гг. ФСП вошла правящей партией, выигравшей у коммунистов борьбу за лидерство в левом лагере и доказавшей способность успешно бороться за власть с правыми силами, несмотря на неблагоприятные для левых сил условия «неоконсервативной волны». Эту радужную картину портил груз нерешенных проблем, главной из которых являлась незавершенность идеологического обновления партии. В 80-е гг. стало очевидно, что фундаментальные принципы левой доктрины, разработанные в индустриальную эпоху, все меньше совпадают с реалиями постиндустриальной фазы развития общества, а выстроенная на их основе политика приводит к разрастанию внутренних проблем и закрепляет за левыми партиями имидж консервативной силы. ФСП, подобно левым партиям других индустриально развитых стран, вплотную столкнулась с необходимостью разработать новый социальный проект, не утратив при этом своей идентичности. Разра-

65

ботка такого проекта развернулась с середины 80-х гг., но успеха не имела и лишь обострила внутреннюю борьбу в партии, остановить которую не мог даже Ф. Миттеран [1, с. 98—100]. Однако в 80-е гг. социалисты сумели компенсировать свою доктринальную слабость прагматичной внутренней политикой, разработав своего рода левый вариант неолиберального курса [2, с. 210—214]. Этот «левый либерализм» ФСП больше соответствовал интересам французов, чем предложенная правыми партиями доктрина «либеральной революции во французских цветах», и позволил социалистам в 1988 г. вернуться к власти.

После победы 1988 г. ФСП возобновила проведение гибкой текущей политики. Не случайно во главе правительства был поставлен лидер правого крыла партии М. Рокар, известный своим неортодоксальным взглядом на сущность социализма. В экономике кабинет Рокара, сделав несколько символических шагов в левом духе, типа восстановления налога на крупные состояния, в целом продолжил следовать курсом «левого либерализма». Социалисты продолжили перевод предприятий госсектора на рыночные условия хозяйствования, не стали увеличивать налогообложение частных компаний, во имя сохранения финансовой стабильности отказались от расширения социальных программ и повышения зарплат. Несмотря на запрет Ф. Миттерана, М. Рокар возобновил проведение структурных реформ социально-экономического характера (расширил допуск частного капитала в активы предприятий госсектора, ввел всеобщий социальный взнос для сокращения дефицита касс социального страхования, намеревался увеличить до 41 года срок выплат взносов в пенсионные фонды).

Одновременно М. Рокар начал проведение структурных реформ в социокультурной сфере, используя расширившиеся в связи с экономическим подъемом 1988—1990 гг. финансовые возможности правительства. Тем самым он стремился продемонстрировать наличие у партии модернизационного потенциала, вывести проблему модернизации общества за рамки экономической проблематики и преодолеть устоявшееся понимание социального прогресса как расширения перераспределительной политики. Правительство М. Рокара выделило крупные суммы на совершенствование системы образования и профессиональной подготовки, на проведение научных исследований и развитие городов, предприняло новые действия по расширению автономии местных органов власти и по интеграции иммигрантов во французское общество.

М. Рокар также изменил и партийную стратегию альянсов, следуя высказанному Ф. Миттераном в 1988 г. пожеланию «большей открытости» ФСП. Он отошел от культивируемой с начала 70-х гг. ориентации на союз с

66

ФКП и взял курс на установление союза с центристами, введя нескольких из них в состав своего кабинета. В случае успеха такой альянс мог значительно усилить электоральные позиции ФСП.

В начале 90-х гг. стало заметно, что гибкая политика М. Рокара имеет свои пределы. Так, несмотря на то, что сторонники Р. Барра создали отдельную фракцию в парламенте и в ряде случаев не поддерживали вотумы недоверия правительству, основная часть центристов осталась в союзе с голлистами. Рокару также не удалось утвердить в массовом сознании свое представление о модернизации общества, и французы,

особенно «народные категории», требовали от социалистов прежде всего расширения распределительной политики. В 1988—1990 гг. прошло несколько волн забастовок с требованиями повысить зарплату и расширить государственное финансирование. И хотя под давлением президента правительство в некоторых случаях пошло на уступки, среди населения сложилось мнение о том, что социалисты не выполняют своих обещаний. Более того, частое использование М. Рокаром ст. 49—3 конституции страны для принятия нужных законов породило упреки в технократизме и нежелании считаться с реальными устремлениями населения. Это привело к усилению критики Рокара в партии и к недовольству политикой правительства со стороны Ф. Миттерана.

Создание в мае 1991 г. нового правительства во главе с Э. Крессон и принятие в декабре 1991 г. новой партийной программы с более выраженной социалистической риторикой не привели к улучшению образа партии. Недовольство социалистами даже усилилось в связи с их неспособностью справиться с начавшимся в 1991 г. экономическим кризисом, а проведенная Миттераном в апреле 1992 г. еще одна смена правительства только усилила мнение французов о том, что у ФСП нет ясной стратегии действий. Закономерным итогом стали поражения социалистов на региональных выборах 1992 г. и подлинная катастрофа на парламентских выборах 1993 г., когда ФСП получила только 54 места в Национальном собрании вместо 276 в 1988 г.

Избранный вскоре после провала на выборах первым секретарем ФСП М. Рокар развернул работу по обновлению партийной идеологии в рамках расплывчатой идеи «солидарного общества». Проведенная руководством партии серия тематических коллоквиумов не привела к разработке общепризнанного проекта и даже усилила внутреннюю борьбу в партии. Кроме того, выдвинутый Рокаром проект создания альянса с экологистами и коммунистами-реформаторами вызвал острый конфликт с Миттераном. Закономерным итогом стало поражение ФСП на выборах 1994 г. в Европарламент с наихудшим результатом со времени создания партии в 1971 г. (14,5 % голосов). При этом часть избирателей у ФСП отняли ее неизменный союз-

ник Движение левых радикалов, экологисты и партия «Движение граждан», созданная вышедшим из ФСП в 1993 г. лидером левого крыла Ж.-П. Шевенманом. Замена в 1994 г. М. Рокара на посту главы ФСП А. Эмманюэлли не привела к ослаблению внутренней борьбы, и у партии даже возникла проблема с кандидатом на президентские выборы 1995 г. В декабре 1994 г. один из ведущих политиков ФСП Л. Фабиус заявил, что «партия практически лишена всякой идеи, всякой силы, всякого влияния» [8].

Однако на президентских выборах 1995 г. кандидат ФСП Л. Жоспен, вопреки всем прогнозам, вышел во 2-й тур и набрал 47 % голосов. Этот успех был вызван в первую очередь серьезными изменениями в настроениях французов. Подробный анализ этих изменений и вызвавших их причин невозможно провести в рамках данной статьи, поэтому отметим лишь наиболее важные моменты.

В 90-е гг. во всех западных странах устремления населения начали все более выходить за рамки экономической проблематики, повышенное внимание к которой было характерно для 80-х гг. На первый план все более выходят вопросы защиты окружающей среды, развития образования, автономии личности, активного участия в общественной жизни и др. Неоконсервативный социальный проект не давал адекватного ответа на эти новые устремления, а ряд его главных положений даже шли вразрез с ними. Ограниченность неоконсервативной доктрины усиливалась выявившимися противоречиями неоконсервативной политики, которая привела к усилению социального неравенства и появлению зон хронической депрессии, не сопровождалась сокращением безработицы. Также стало очевидно, что далеко не все жители западных стран обладают необходимыми навыками и динамизмом для того, чтобы воспользоваться возможностями, открываемыми инновационной экономикой и проводимой неоконсерваторами политикой «народного капитализма». Это, в свою очередь, подрывало престиж неоконсервативного принципа «опоры на собственные силы». Более того, в 90-е гг. набирает силу идея социальной солидарности, противоречащая индивидуалистическому духу неоконсервативной доктрины. Иными словами, в 90-е гг. стало очевидно, что неоконсервативный проект общества не является адекватным ответом на реалии постиндустриальной фазы развития.

Особенность Франции состояла в том, что здесь даже в 80-е гг. население лишь частично соглашалось с идеями неоконсерваторов [4, с. 177—186]. В 90-е гг. процесс изменений в массовом сознании ускорился в связи со сменой поколений. Этот процесс весьма противоречив, сопровождается разрушением устоявшихся социопсихологических типов и растущей фрагментаризацией устремлений в рамках одной и той же социальной категории,

неустойчивой приверженностью новым ценностям, особенно среди молодежи. Тем не менее можно говорить о том, что в 90-е гг. в массовом сознании Франции нарастало стремление к обновлению общества и недовольство экономико-центричной политикой правительств, выстроенной на основе неолиберальных принципов.

Это стремление к переменам и лежало в основе голосования французов на президентских выборах 1995 г. Не случайно во 2-й тур прошли Ж. Ширак и Л. Жоспен, чьи программы были весьма противоречивыми декларациями принципов, обильно сдобренными обновленческой тематикой, тогда как один из явных фаворитов Э. Балладюр, предложивший программу, выстроенную на основе неолиберальных принципов, выбыл из борьбы в 1-м туре. Такая ситуация объективно играла на руку ФСП.

В то же время стремление населения к обновлению общества поставило перед всеми партиями страны вопрос о разработке цельных программ с ясным изложением намерений деятельности. Уже в начале 90-х гг. обозначился процесс, названный политологами «кризисом системных партий». Его проявлениями стали растущий абсентеизм, низкое доверие к партиям и политикам, усиление позиций так называемых протестных партий (троцкистов, экологов и особенно ультраправого Национального фронта). Главной причиной такого положения дел стало растущее расхождение между политикой правительства и устремлениями населения. Это привело к широкому распространению в массовом сознании мнения о том, что политическая элита страны превратилась в отдельный класс и, независимо от партийной принадлежности кабинетов, проводит однотипную политику, мало считаясь с интересами населения и навязывая обществу собственные решения. Авторитет системных партий ослаблялся также под влиянием череды различных афер, в которых были замешаны виднейшие политики всех главных партий страны.

С середины 90-х гг. поиск социалистами новой стратегии проходил в более благоприятных условиях. Внутренняя борьба в партии ослабла, и ФСП объединилась вокруг Л. Жоспена, который после своего удачного выступления на президентских выборах, стал явным лидером социалистов. В июне 1995 г. ведущие политики ФСП доверили Жоспену проведение работы по обновлению партии, а в октябре 1995 г. он был избран первым секретарем ФСП 94 % голосов. Л. Жоспен активизировал работу по обновлению идеологии, причем по этому вопросу произошло сближение позиций течений Л. Жоспена, М. Рокара и Л. Фабиуса. Одновременно Жоспен предпринял действия по воссозданию союза левых сил, выдвинув гибкую формулу «плюралистической левой» коалиции, участники которой сотрудничали во имя

завоевания власти, но при этом не были связаны жесткими рамками общей программы и могли вести собственный идеологический поиск. Итогом стало создание «красно-розово-зеленой коалиции» в составе ФСП, ФКП, Партии левых радикалов, партии «зеленых» и «Движения граждан».

Эта коалиция победила на досрочных парламентских выборах 1997 г., несмотря на то, что опросы общественного мнения отдавали победу правым, а левые партии не успели завершить подготовку к выборам. К примеру, предвыборная программа ФСП представляла собой скорее набор привлекательных намерений, чем четкий проект действий. Успех «плюралистической левой» был вызван прежде всего просчетами в политике правых сил: отходом Ж. Ширака от предвыборных обещаний, возвратом к проведению типично неоконсервативной политики с использованием технократических методов правления.

Отсутствие четкой программы действий коалиционное правительство Л. Жоспена постаралось компенсировать гибкой текущей политикой. По своей направленности она была похожа на политику кабинета М. Рокара, но отличалась большим масштабом и глубиной. В экономике кабинет Жоспена действовал более решительно, сочетая мероприятия неолиберального характера с традиционными для левых решениями. Правительство продолжило проведение приватизации и в 1999 г. завершило 5-летнюю программу денационализации, разработанную кабинетом Э. Балладюра. В 1997 г. с целью сократить дефицит государственного бюджета до уровня, предусмотренного Маастрихтским договором, правительство на 15 % повысило налоги на прибыли крупных компаний, но уже с 1998 г. вернулось к политике сокращения налогообложения предприятий. С целью стимулировать потребление кабинет Жоспена увеличил минимальную зарплату, но при этом сохранил в силе многие решения правых по сокращению дефицита системы социального страхования и главное внимание сосредоточил не на расширении социальных программ, а на более эффективном распределении социальной помощи, сделав главный акцент на поддержке молодежи. Для борьбы с безработицей применялись как традиционные левые мероприятия (расширение общественных работ, введение 35-часовой рабочей недели), так и более характерные для правых действия по стимулированию найма через предоставление различных льгот предпринимателям. Такой курс получил название «левого реализма», а широкое использование при его проведении методов социального диалога позволило прессе назвать политику кабинета Жоспена «модернизацией с человеческим лицом».

Успеху социально-экономической политики правительства содействовал экономический подъем 1997—2000 гг., в ходе которого Франция по темпам

развития опередила своих главных партнеров по ЕС. Рост экономики содействовал сокращению безработицы, а в ряде отраслей даже обнаружилась нехватка рабочих рук. Эти успехи французы связывали с

министром экономики Д. Стросс-Каном, которого даже стали называть отцом французского «экономического чуда».

Целая серия реформ последовала и в других сферах. Преобразования затронули административное устройство, судебную и политическую систему, сферу образования и профессиональной подготовки, положение иммигрантов, правоохранительные органы, частную жизнь французов. При этом в ряде случаев речь шла не просто о корректировке существующего законодательства, а о качественных изменениях. К числу таких решений относились введение паритета мужчин и женщин при выдвижении кандидатов на выборах, серьезное расширение гражданских прав гомосексуалистов и незарегистрированных семей, предоставление национально-политической автономии Корсике и ряд других. Этому блоку реформ, призванных продемонстрировать стремление ФСП к обновлению общества, Л. Жоспен уделял больше внимания, чем темам борьбы с безработицей и сокращению неравенства, невзирая на угрозу обострить отношения с партнерами по коалиции.

Такое упорство лидера социалистов можно считать вполне оправданным. Реформы в социокультурной и политической сферах позволяли закрепить за ФСП образ модернистской силы и компенсировать отсутствие у партии глобального социального проекта. Они также были нацелены на расширение социальной базы ФСП за счет молодежи и новых средних слоев, электоральное поведение которых в 90-е гг. характеризовалось повышенным абсентеизмом и склонностью к смене партийных предпочтений. Это позволяло укрепить ведущую роль ФСП в левом лагере и не допустить появления конкурента слева в лице партии «зеленых».

Накануне президентских и парламентских выборов 2002 г. казалось, что социалисты сумели решить свои проблемы. Рейтинг Л. Жоспена на всем протяжении легислатуры был неизменно высоким, а ФСП по популярности заметно опережала правые партии и рассматривалась французами как явный лидер левого лагеря. Большинство экспертов называли Л. Жоспена и ФСП наиболее вероятными победителями в 2002 г.

Однако с приближением выборов стали проявляться просчеты в стратегии Л. Жоспена. Лидер социалистов явно переоценил приверженность французов теме перемен и не сумел прочно утвердить в массовом сознании свой сценарий модернизации. В ноябре 2000 г. только 16 % опрошенных выступили за продолжение проводимого курса, тогда как 55 % требовали прове-

дения «более социальной политики», причем явное большинство (65 %) понимали под этим расширение перераспределительных действий [6]. Не более 25 % назвали приоритетами дальнейших действий конкретные мероприятия по модернизации общества, а модернизацию общества в целом считали приоритетом лишь 6 % опрошенных [5].

При этом не оправдывались надежды на качественное изменение социальной базы ФСП. Так, лишь 28 % кадров высказали удовлетворение правительственной политикой, а 50 % лиц моложе 35 лет заявили о безразличии к действиям кабинета [6]. В то же время упала популярность правительства среди «народных категорий». Лишь 24 % рабочих и 15 % служащих были удовлетворены политикой Л. Жоспена [6]. Это дало основание партнерам ФСП, опасавшимся превращения в «младших братьев» социалистов, потребовать у Л. Жоспена изменения правительственной политики в более традиционном духе. Предпринятые Жоспеном шаги по усилению социальной окрашенности политики кабинета не позволили преодолеть разочарование французов политикой социалистов.

Начавшийся в 2001 г. экономический спад еще более снизил популярность обновленческой тематики, усилил пессимизм французов в отношении перспектив экономического развития и выдвинул на первый план нехватку «социального измерения» в политике Л. Жоспена.

Еще одним уязвимым местом в деятельности кабинета Жоспена стала политика по обеспечению безопасности граждан. С 1997 г. вопросы безопасности вызывали все большую тревогу французов в связи с ростом правонарушений среди молодежи, а в 2001 г. проблема безопасности вышла на первое место среди проблем, беспокоящих общество. За время своего правления правительство Жоспена приняло ряд решений по борьбе с преступностью, сделав акцент не на ужесточении законодательства, а на мерах по предупреждению преступлений и по реинтеграции правонарушителей в общество. Эти действия, первоначально одобрительно встреченные французами, не дали ожидаемого эффекта, что стало дополнительным поводом для упреков в адрес Л. Жоспена.

Стало очевидно, что лидер социалистов не может использовать итоги политики своего кабинета в качестве главного козыря на президентских выборах. Несмотря на то, что накануне выборов Л. Жоспен рассматривался французами как смелый и современный политик и опережал Ж. Ширака по уровню веры населения в способность решать проблемы страны, 69 % опрошенных высказались за то, чтобы на выборах он «предложил проект, отличающийся от политики, проводимой им в течение 5 лет» [9]. Эксперты отмечали, что Жоспену необходимо преодолеть имидж повседневно-

управленца и «показать способность видеть горизонт», т. е. выдвинуть крупный новаторский проект [7].

В этих условиях многое зависело от способности партии помочь своему лидеру. Возглавивший ФСП в 1997 г. Ф. Олланд развернул активную работу по обновлению партийной доктрины, однако предпринятые усилия успехом не увенчались. По замечанию журналиста М. Ноблекура, ФСП «остаётся машиной по созданию и назначению депутатов. В идеологическом плане корабль остался на рейде» [10].

Было бы ошибкой объяснять неспособность ФСП разработать новый проект общества отсутствием у социалистов новых идей. Проблема заключалась в том, чтобы эти идеи превратить в связный проект, одновременно реалистичный и альтернативный. На этом пути ФСП сталкивалась с тремя препятствиями. Первое заключалось в том, что весьма непросто предвидеть направленность стремительно происходящих в обществе изменений, которые все менее укладываются в рамки устоявшихся доктрин. Эта проблема в 90-е гг. встала перед теоретиками главных партий всех развитых стран. Именно эти трудности имел в виду Д. Белл, отмечавший, что «попытки ученых выявить структурные изменения перед лицом неизвестных величин политического и культурного порядка... вызывают только разочарование. Это все равно, что держать зажженную свечу в ураган и пытаться разглядеть дорогу вперед» [3, с. 118]. Вторым барьером на пути идеологического обновления ФСП стал произошедший в 80-е гг. переход партии от «культуры оппозиции» к «культуре управления», что повлекло за собой отказ от выдвижения привлекательных, но нереализуемых идей. Третьим препятствием стало то, что ФСП в целом сохраняла приверженность традиционному пониманию социализма и целей партии. В этом отношении весьма показательной является резкая критика лидерами ФСП манифеста Блэра — Шредера, выдвинутого в 1999 г. и содержащего новую трактовку сущности политики социал-демократии.

В итоге на президентских выборах 2002 г. проекты Л. Жоспена и Ж. Ширака оказались очень схожими, что стало одной из причин поражения лидера социалистов. Среди других причин можно назвать вялое ведение Жоспеном предвыборной кампании, выдвижение большого числа кандидатов от левых партий, высокий уровень абсентеизма, особенно среди левого электората.

Дефицит новизны проявился и в программе ФСП на парламентских выборах. В сходном положении оказались и главные противники социалистов, однако для усиления их позиций Ж. Ширак предпринял ряд действий в обновленческом ключе (назначение премьер-министром Ж.-П. Раффарена, принятие новым правительством решений о сокращении налогов и усилении

борьбы с преступностью, ускорение создания единой правой партии). Против социалистов сработало и негативное отношение французов к перспективе нового «сосуществования», в котором они стали видеть помеху для деятельности исполнительной власти, хотя до конца 90-х гг. рассматривали «сосуществование» как наиболее эффективный вариант организации правления.

Провал социалистов в 2002 г. вплотную поставил ФСП перед проблемой поиска новой идентичности, показав, что самая умелая текущая политика не может компенсировать доктринальную слабость. Отсутствие нового взгляда на общество не позволило ФСП в потенциально благоприятных для нее условиях спада «консервативной волны» выдвинуться на роль главной обновленческой силы. Как результат политические успехи партии зависели прежде всего от ошибок ее соперников. К счастью для социалистов, в схожем положении оказались и правые силы. Уже в 2004 г. левые партии во главе с ФСП одержали триумфальную победу на региональных выборах, воспользовавшись разочарованием французов в политике кабинета Ж.-П. Раффарена. Перед социалистами открылись весьма обнадеживающие перспективы. Насколько ФСП сумеет их использовать, покажет уже ближайшее будущее.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бунин, И. М. Партия активистов или партия нотаблей (К итогам X съезда французских социалистов) / И. М. Бунин // Рабочий класс и современный мир. 1990. № 4. С. 96—101.
2. Государство и экономика развитых капиталистических стран в 80-х годах. М., 1987. С. 207—226.
3. Проскурин, В. Военная сила и постиндустриальное общество / В. Проскурин // Мировая экономика и международные отношения. 1996. № 10. С. 114—120.
4. Салмин, А. М. Партии и избиратели Франции на выборах 80-х годов / А. М. Салмин // Рабочий класс в мировом революционном процессе. М., 1988. С. 172—195.
5. G. C. 55 % des sondes attendent de la gauche une politique «plus sociale» / G. Courtois // Le Monde. 2000. 7 nov. P. 8.
6. Courtois, G. Les Français reprochent au gouvernement de manquer de dynamisme / G. Courtois // Le Monde. 2000. 7 nov. P. 8.
7. Courtois, G. Les paradoxes de la présidentielle / G. Courtois // Le Monde. 2002. 24—25 févr. P. 21.
8. Le Monde. 18 dec. P. 7
9. Le Monde. 5 févr. P. 10.

10. *Noblecourt, M.* Francois Hollande doit repondre aux critiques sur «l'atonie» du PS / M. Noblecourt // Le Monde. 2000. 24 nov. P. 8.